

Сбежались жители всего села
Под окна их, и каждого дивило,
Как ласково Гризельда и как мило
С отцом держалась. Больше всех она,
Однако же, была изумлена.

Немудрено, что трепет и смущенье
Напали на Гризельду: до сих пор
Высокого такого посещения
Ее не устаивался двор.
Бледна как полотно и долу взор
Потупивши, она теперь сидела.
И тут маркграф, чтобы продвинуть дело,

К прелестной деве обратился так:
«Гризельда, ваш отец сказал мне ясно,
Что по сердцу ему наш с вами брак.
Надеюсь, на него и вы согласны?
Но торопить вас было бы напрасно:
Коль боязно вам сразу дать ответ,
Подумайте, – к тому помехи нет.

Но знайте, что должны вы быть готовы
Повиноваться мне во всем всегда
И не роптать, хотя бы и сурово
Я с вами обращался иногда,
Не отвечать мне «нет», скажи я «да»,
Все исполнять, не поведя и бровью,
И я вам верной отплачу любовью».

От страха вся дрожа, ему в ответ
Гризельда молвила: «Мне бесталанной,
К лицу ли честь, которой равной нет?
Но то, что любо вам, и мне желанно.
Даю обет вам ныне – постоянно
Послушной быть и в мыслях и в делах,
Отбросив даже перед смертью страх».

«Обету вашему, Гризельда, верю», -
Сказал маркграф, душой развеселясь,
И сразу же пошел с ней вместе к двери
И так сказал толпе, что собралась:
«Есть государыня теперь у вас:
Мою жену, Гризельду дорогую,
Всегда любить и жаловать прошу я».

Маркграф решил, что все свое тряпье
Гризельде сбросить пред отъездом надо,
И приказал, чтоб женщины ее,
Раздев, одели в новые наряды.
Тряпья касаться были те не рады,
Но поспешили выполнить приказ,
И засверкала дева, как алмаз.

Ей расчесавши волосы прилежно,